

Демографические вызовы России Часть третья - миграция^[1]

Над темой номера работали:

Анатолий
ВИШНЕВСКИЙ^[2]

Жанна
ЗАЙОНЧКОВСКАЯ^[3]

Михаил
ДЕНИСЕНКО^[4]

Никита
МКРТЧЯН^[5]

Вызовы внутренней миграции

Последние 25 лет в России во внутренней миграции преобладает так называемый «западный дрейф», смещение массы населения с востока в юго-западном направлении. В результате между переписями 1989 и 2010 годов население азиатской части страны уменьшилось на 3170 тысяч человек (на 10%), в то время как население европейской части, тоже убывавшее, сократилось на 995 тысяч человек (0,9%). После переписи 2010 года население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской.

Максимальных масштабов западный дрейф достигал в 1990-е годы, к настоящему времени его масштабы сократились, прежде всего в результате сокращения миграционного потенциала регионов Дальнего Востока. На рис 1 приведена статистика перетока населения между отдельными крупными частями страны в западно-восточном направлении, но данные за 1991-2010 годы, по-видимому, занижены. Как показали переписи населения 2002 и 2010 годов, почти все регионы восточной части страны недосчитались населения, реальные масштабы западного дрейфа в первые постсоветские десятилетия были больше.

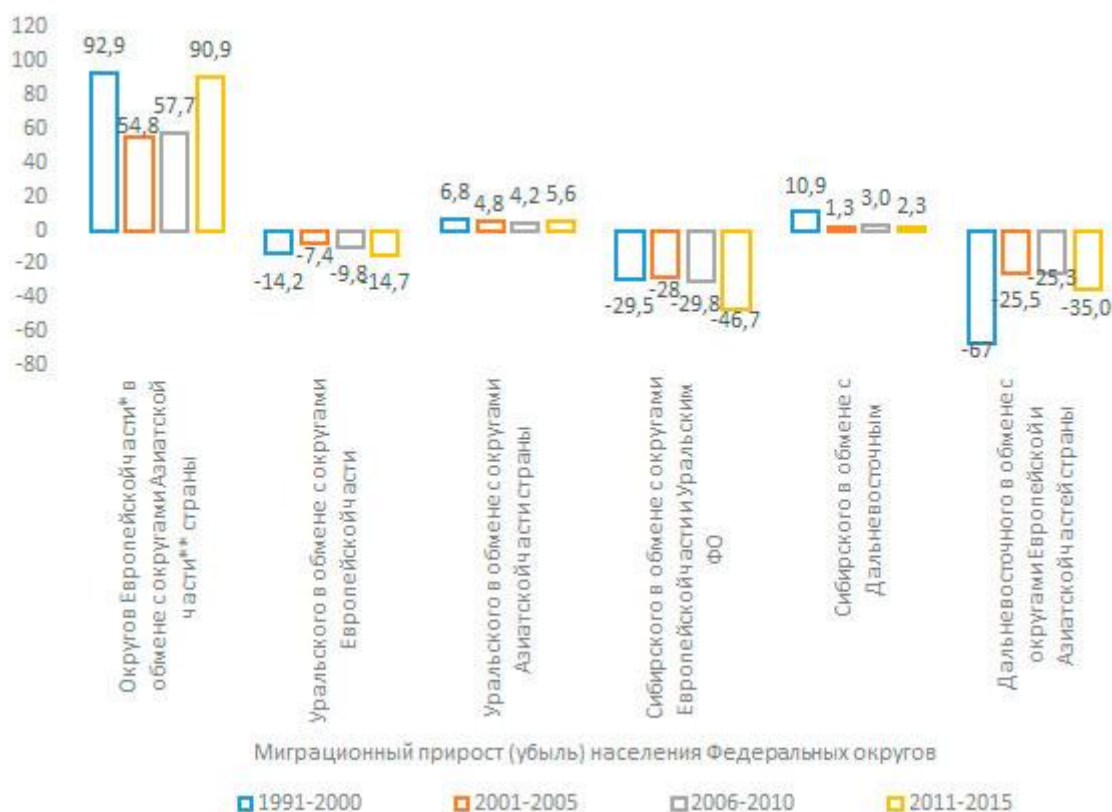

Рисунок 1. Западный дрейф в 1991-2015 годах, тыс. человек (в среднем за год)

Миграция не просто перераспределяет население с востока на запад страны, она способствует концентрации населения в небольшом количестве регионов, тогда как в других ведет к сокращению и без того немногочисленных жителей. Центров притяжения населения в стране мало, и практически все они расположены в Европейской части страны. Три крупнейших центра – Московская и Санкт-Петербургская агломерации, Краснодарский край настолько сильно притягивают население, что существование иных значимых центров притяжения внутристрановых мигрантов в последние годы остается под вопросом (табл. 1): не хватает мобильного демографического ресурса. Восточнее Новосибирской области регионов, устойчиво притягивающих население, нет, да и этот регион имеет миграционный прирост в основном за счет подпитки «с востока» и соседних регионов, среди населения которых он, возглавляемый третьим по величине городом России, является наиболее привлекательным в экономическом отношении центром.

Таблица 1. Миграционный прирост населения по основным центрам притяжения внутрироссийских мигрантов, 1991-2015 годы, тыс. человек

Наименование центра	1991-2000*	2001-2010*	2011-2015
Москва и Московская область	1860	1890	796
Санкт-Петербург и Ленинградская область	200	500	310
Краснодарский край	300	200	186
Белгородская область	75	55	9

Свидетельство
о регистрации СМИ
Эл № ФС77-39707
от 07.05.2010 г.
ISSN 1726-2887

Для цитирования: Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А.,
Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В. Демографические вызовы
России. Часть третья - миграция // Демоскоп Weekly. 2017. № 753-754.
URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php>

Наименование центра	1991-2000*	2001-2010*	2011-2015
Республика Татарстан	50	35	16
Калининградская область	30	15	14
Нижегородская область	20	10	0
Ставропольский край	165	50	-16
Самарская область	70	40	-4
Новосибирская область	25	25	39

* Оценка с учетом итогов переписей 2002 и 2010 годов

Концентрация большей части населения страны на сравнительно небольшой части ее территории и запустение всего остального пространства – это несомненный вызов. Сейчас 27% населения России сосредоточено менее чем на 4% ее территории (ЦФО). Смещение населения на запад страны отражает конкуренцию регионов за людские ресурсы в условиях их явного дефицита. Все это заставляет еще раз задуматься о вызове недонаселенности России, о котором говорилось в **первой части статьи**.

Миграционные потери многих территорий сглаживает прирост за счет долговременной международной миграции, но он не так значителен, как потери во внутрисредней миграции. Да и этот прирост в регионах к востоку от Красноярского края невелик, международные мигранты, хотя и распределяются по территории страны более равномерно, все же предпочитают регионы Европейской России, юг Урала и Западной Сибири.

Предпринимаемые (декларативные) попытки развернуть направления миграционных потоков «в нужных направлениях» и повысить общий уровень пространственной мобильности населения не приводят к значимым результатам. Для масштабных переселенческих процессов нет ни людских, ни финансовых ресурсов. Направления миграции в России зависят от концентрации ресурсов в Москве и нескольких других крупнейших городах, и если они и могут быть изменены, то только при условии очень серьезной корректировки экономической (в т.ч. региональной) политики. Во многих геополитически и стратегически важных регионах страны нет в должном количестве рабочих мест, способных привлечь дополнительные рабочие руки. Помимо этого, разные части страны отличаются разной инфраструктурной обустроенностью, для сглаживания существующих контрастов необходимы гигантские финансовые средства.

Миграционные потоки усиливают концентрацию населения в крупных и крупнейших городах, с населением более 1 млн. человек. В результате миграции в последние годы между наиболее плотно заселенными (2% общей площади) и наиболее слабозаселенными (более 90% площади) территориями страны перераспределяются ежегодно около 0,5 млн человек. Продолжают терять население сельская местность, малые и средние города. При этом значительное перераспределение населения происходит не между, а в пределах регионов – в региональные столицы и их пригороды из остальной части региона, внутренней периферии. В сельской местности часть юридически числящегося населения на самом деле фактически не проживают в селе [6].

В миграции в основном принимает участие молодое население в возрасте 17-35 лет (наиболее активно – в возрасте поступления в вузы), в результате этого население основных притягательных для мигрантов центров успешнее противостоит старению, а экономика получает дополнительные рабочие руки. Напротив, на территориях оттока населения миграция усиливает старение и депопуляцию, экономика не получает стимулов к развитию, ведь уезжают наиболее активные. В местах длительной, продолжающейся многие десятилетия миграционной убыли не только

деградирует население, но и разрушается, в силу не востребованности, инфраструктура (прежде всего - социальная и транспортная), что создает стимулы к дальнейшему выезду населения. Подобные процессы происходят не только на восточных окраинах, но и повсюду в староосвоенных регионах Центра страны, на значительном удалении от крупных городов. Реосвоение и поддержание многих сельских населенных пунктов происходит только силами дачников, и только на летний сезон[7].

Для молодежи проблема стоит не столько в выезде из своего поселка (села, моногорода), сколько в бессмысленности возвращения в него. Узкий рынок труда, низкая заработная плата, отсутствие возможностей для развития делают возвращение бесперспективным и, во многих случаях – свидетельством краха личных амбиций.

Временная трудовая миграция – отходничество. Долговременная миграция в пределах России (в последние годы ее масштабы составляют более 4 млн человек в год) идет параллельно с процессами временной трудовой, вахтовой миграции, современным отходничеством. Масштабы участия россиян во внутренней временной трудовой миграции, согласно данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), не меняются на протяжении ряда лет и составляют 1,6-1,7 млн человек ? без учета маятниковой (суточной) миграции, ? хотя встречаются и гораздо более радикальные оценки, доходящие до 15-20 млн. По данным ОНПЗ, в течение последних лет трудовые мигранты составляют 2,4% всего занятого населения России в возрасте 15-72 года. Степень участия в этой миграции сильно разнится как по регионам страны – наибольшее распространение она имеет среди домохозяйств Центрального, Приволжского и Южного Федеральных округов, так и в зависимости от типов поселений – чаще на работу в другие регионы выезжают жители сельской местности и небольших городских поселений[8].

И долговременные, и трудовые мигранты тяготеют к регионам – лидерам (Москва, Санкт-Петербург, ХМАО и ЯНАО, Ненецкий АО и Сахалинская область) и т.н. «регионам, опережающим по доходу»[9]. При этом переток работников осуществляется прежде всего из среднеразвитых регионов (к ним отнесены более 50 субъектов РФ) в регионы-лидеры. Наиболее слабые в социально-экономическом отношении «аутсайдеры», испытывают отток как населения, так и трудовых мигрантов, но основные «доноры» принадлежат к не самым бедным. В России действуют т.н. «ловушки бедности», которые препятствуют не столько выезду населения из наиболее депрессивных и бедных поселений, сколько развитию человеческого капитала населяющих их жителей, с последующей невозможностью реализовать его даже посредством миграции.

Основные центры притяжения мигрантов делят территорию России между собой (табл. 2), большее их число, из Центрального, Южного и части Приволжского округов направляется в столичный регион, с Урала и Западной Сибири едут работать в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, а также в другие регионы севера – Красноярский край, Якутию. Иные центры притяжения трудовых мигрантов собирают работников с более локальных территорий.

Таблица 2. Распределение трудовой миграции в основные регионы притока, по регионам выхода (федеральным округам), 2014 год, %

Регионы, где заняты трудовые мигранты	Федеральные округа, откуда выезжают трудовые мигранты								
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Всего
Россия, всего	32,6	4,6	9,7	5,9	33,3	4,4	8,1	1,4	100,0
Москва и МО	53,9	1,2	9,0	4,6	30,1	0,5	0,7	0,0	100,0

Регионы, где заняты трудовые мигранты	Федеральные округа, откуда выезжают трудовые мигранты								
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Всего
Тюменская область, ХМАО и ЯНАО	1,5	1,0	6,4	3,5	51,4	15,8	20,3	0,0	100,0
СПб и Ленинградская область	15,5	57,8	6,1	7,5	12,3	0,0	0,8	0,0	100,0
Краснодарский край	6,6	3,2	42,5	32,2	7,4	1,3	5,4	1,3	100,0
Восточная Сибирь* и Дальний Восток	1,0	0,4	3,4	1,4	6,9	2,0	72,9	12,0	100,0

* Восточно-Сибирский экономический район

Источник: данные ОНПЗ.

Проблемы трудовой миграции, трудовых мигрантов и их семей. Современное отходничество (трудовая миграция без смены места жительства) не привлекает особого внимания, хотя она порождает немало специфических проблем.

В отличие от долговременной миграции, подавляющая часть трудовых мигрантов перемещается в пределах своей части страны, ближайших регионов. Дальние поездки, связанные с большими транспортными издержками, совершаются на более длительный срок, соответственно, и поездки домой менее часты. 83% трудовых мигрантов, по данным ОНПЗ, мужчины от 20 до 50 лет, многие имеют семьи и детей. Они заняты в основном на работах, требующих средней квалификации, в строительстве, добыче полезных ископаемых, на транспорте, в охране. Женщины в основном заняты в сфере услуг [10].

Лучше всего получается заработать на «дальней» вахте, на наиболее тяжелых работах, требующих часто специальных навыков и квалификации. В крупных городах, где работает большинство из них, они занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у местного населения в силу специфики труда и сравнительно низкой заработной платы. Однако по меркам тех мест, откуда едут трудовые мигранты, эта работа высокооплачиваемая, позволяет поддерживать достаточно приемлемый уровень благосостояния их семьям.

По оценкам, основанным на опросах трудовых мигрантов из малых городов, проводившихся ИнСАП РАНХиГС в 2015 году, трудовые мигранты пересылали или привозили своим семьям около 70-75% заработанного [11]. Такие трансферты не только поддерживают потребление домохозяйств, но и перераспределяют немалые финансовые средства в пользу небогатых муниципальных образований. Т.к. рынок труда в местах выхода современных отходников ограничен – рабочие места есть в бюджетной сфере и на небольшом количестве предприятий, трудовая миграция является основным демпфирующим фактором в случае потери работы, непостоянной занятости, для многих семей – единственной возможностью повысить доход и накопить на серьезные капиталовложения (ремонт и покупка дома, автомобиля и т.п., возврата крупных кредитов). Часть отходников зарабатывают деньги на покупку жилья в крупном городе для детей.

Выезд значительной части трудоспособного населения на работу в другие регионы и муниципальные образования вызывает озабоченность местных властей с позиций недобора

налогов – ЕСН и подоходного. Эта озабоченность справедлива лишь в том смысле, что трудовые мигранты чаще всего получают социальные услуги не по месту работы, а по месту проживания их семей. Согласно данным ОНПЗ, трудовые мигранты чаще, чем «местные» работники, не оформляют должным образом отношения с работодателем. Тем не менее, возможно, экономические выгоды трудовой миграции для сельской местности и малых городов перекрывают недобор налогов.

Трудовая миграция одного из членов домохозяйства позволяет получать выгоды от работы на высокооплачиваемом (по меркам села, малого города) рабочем месте, получать дополнительные доходы от личного подсобного хозяйства (в т.ч. в свободное от работы на выезде время), пользоваться товарами и услугами, которые в крупных городах дороже. Это, вместе с большими издержками по переселению, сдерживает переезд всей семьи в крупный город, вследствие чего российская глубинка пустеет не с такой скоростью.

Немало отходников привыкает к работе на выезде, не готовы поменять ее на ежедневный наемный труд по месту проживания: месячный, недельный ритм работы меняет тип личности, формируя «ловушку свободного времени»^[12].

При этом семьи отходников живут «на разрыве», снижается частота личных контактов, в т.ч. с детьми. Такой образ жизни может служить фактором распада семей, хотя существует и противоположное мнение: «реже видимся – реже ругаемся». Хуже, если в трудовую миграцию вовлекаются оба взрослых члена домохозяйства, оставляя детей на попечение иных родственников. Нередко в семьях отходники рассматриваются, прежде всего, как источник денег, и сами они привыкают к этой роли, пренебрегая выполнением иных обязанностей, в т.ч. по воспитанию детей.

По месту работы в других регионах и городах трудовые мигранты часто проживают в стесненных условиях, в предоставляемых работодателями общежитиях или арендуя койко-места. Бытовые удобства используются по минимуму, зачастую откладывается лечение, занятия спортом. В отсутствие семьи и развитых социальных связей, вакуум осмысленных форм досуга после напряженного трудового дня часто заполняется алкоголем.

Вызовы иммиграции

Масштабные международные миграции – явление для России новое и пока недостаточно осмысленное.

Россия никогда не была страной иммиграции. В советское время она долгое время выступала, скорее, как страна эмиграции, в том смысле, что имела отрицательное сальдо в миграционном обмене с другими бывшими республиками СССР. Положение стало меняться с середины 1970-х годов, когда число въезжающих в РСФСР стало превышать число выезжающих. За 16 лет (1975-1990) миграционный прирост населения России (порядка 2,7 млн человек) сравнялся с миграционной убылью за предшествующие 20 лет (1955-1974).

Некоторую часть миграционного притока тех лет составляли коренные жители союзных республик. Но по абсолютным размерам эта часть притока была невелика, в основном же он состоял из «возвратных» мигрантов, т.е. россиян, ранее выехавших из России, и их потомков. Возвратная миграция резко усилилась после распада СССР, именно она определила масштабы миграционного всплеска 1990-х годов. Пик иммиграции пришелся на 1994 год, всего за 1992-2000 годы оцениваемый Росстатом миграционный прирост составил 4,5 млн человек, затем его масштабы стали сокращаться. О том, что это была возвратная миграция, свидетельствует этнический состав

мигрантов. Он учитывался до 2007 года, по данным этого учета, за 1992-2007 годы свыше 80% миграционного прироста составляли русские, другие народы России, а также украинцы и белорусы (рис. 2).

Рисунок 2. Этнический состав учтенного миграционного прироста населения России за 1992-2007 годы

Достоверная оценка масштабов миграционного притока в Россию затруднена тем, что официальные критерии того, кого следует относить к мигрантам, и соответственно учет их Росстатом неоднократно менялись, что не позволяет построить надежные ряды сопоставимых данных.

Не способствуют пониманию масштабов иммиграции в Россию и широко тиражируемые – со ссылкой на международные организации – утверждения, подобные сравнительно недавнему сообщению ТАСС: «Россия занимает третье место в мире по числу мигрантов после США и Германии»[13]. Международные организации действительно дают такие оценки, но при этом надо учитывать, что эти оценки относятся к так называемому накопленному числу мигрантов (migrant stock), т.е. к общему числу людей, живущих не в той стране, в которой они родились. В публикациях ООН разъясняется, что большое число мигрантов в России, «обусловлено переклассификацией лиц, которые переезжали в СССР до 1990 года в качестве внутренних мигрантов и которые стали международными мигрантами в момент распада, никуда не перемещаясь в это время»[14]. Соответственно все жители России, родившиеся в советское время за пределами РСФСР и указавшие на это при переписи населения, считаются мигрантами.

Если же судить по интенсивности текущей миграции, то Россия занимает среди других стран весьма скромное место (рис. 3).

Рисунок 3. Коэффициент миграционного прироста в некоторых странах в 2013 году, на 1000 человек

Оценки текущей миграции основаны на данных о зарегистрированной миграции. Но, наряду с регистрируемой, в постсоветской России получила довольно широкое распространение и нерегистрируемая, или недокументированная миграция, которую в России называют «незаконной», хотя это и не рекомендуется международными организациями. Такая миграция не поддается прямому учету, точных масштабов ее не знает никто, эксперты в разное время оценивали ее в 3-5 млн. человек^[15], сейчас, вероятно, ее распространенность несколько снизилась. Однако журналисты, а часто и представители официальных ведомств постоянно демонстрируют склонность преувеличивать масштабы недокументированной миграции, они становятся предметом постоянных спекуляций, будоражащих общественное мнение. Такое завышение в сочетании с предвзятой информацией об этническом и религиозном составе мигрантов, их культурных установках и бытовом поведении, привело к формированию негативного отношения общественного мнения к иммиграции, что затрудняет объективную оценку этого важнейшего демографического ресурса и выработку миграционной стратегии, отвечающей интересам России.

В чем же в действительности заключаются эти интересы?

Опыт последних 25 лет показывает, что иммиграция действительно стала серьезным демографическим ресурсом для нашей страны. Если население России сейчас растет, то почти исключительно за счет иммиграции. И даже когда население убывало (в 1993-2008 годах), иммиграция на 60% компенсировала его естественную убыль. Население России за эти годы сократилось на 5,2 млн человек, но если бы не было иммиграции, то сокращение составило бы 13,2 млн. Всего же за 1992-2015 годы миграционный прирост населения России составил около 9 млн человек. Роль иммиграции как основного источника роста населения России сохранится и в будущем, причем масштабы миграционного притока должны быть достаточно большими. Только чтобы перекрыть неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения населения России, может понадобиться принимать 500 тыс. мигрантов в год, а то и более.

Эксперты и политики, как правило, связывают вопрос об иммиграции с состоянием рынка труда, и это, безусловно, очень важный аспект проблемы иммиграции. Но он не единственный и даже, может быть, не главный. Выше говорилось об очевидной недонаселенности России, и если рассматривать эту недонаселенность как вызов, то ответом на него может стать только привлечение мигрантов.

Это не новый вопрос. В советское время и в общественном мнении и в официальном дискурсе существовало довольно ясное представление о заинтересованности российских регионов в притоке мигрантов, которые рассматривались и как экономический, и как демографический ресурс. Уже в 1970-е - 1980-е годы много говорилось и писалось о необходимости привлечения в "трудонедостаточные" районы России - Центральную Россию, Сибирь, на Дальний Восток - населения из других частей СССР, особенно из перенаселенной Средней Азии, в ряде документов это было сформулировано как официальная позиция. Например, на XXVI съезде КПСС в 1981 году говорилось о том, что осложняется «положение с трудовыми ресурсами в ряде мест. Осуществление программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны увеличило туда приток населения. И все же люди до сих пор зачастую предпочитают ехать с севера на юг и с востока на запад, хотя рациональное размещение производительных сил требует движения в обратных направлениях... В Средней Азии, в ряде районов Кавказа, наоборот, есть избыток рабочей силы, особенно на селе. А значит, нужно активнее вовлекать население этих мест в освоение новых территорий страны»^[16]. В целом эта позиция отражала тогдашние взгляды экспертного сообщества, в ней была достаточная широта и определенность, хотя реальный приток представителей народов южных республик (тогда – внутренних мигрантов в пределах СССР) – был небольшим.

Сейчас положение изменилось коренным образом – и сразу в двух направлениях. С одной стороны, долгожданные мигранты из Средней Азии поехали в Россию, а с другой, они перестали быть долгожданными. И в общественном мнении, и в политическом дискурсе все чаще просматривается желание как можно больше ограничить приток мигрантов из Средней Азии – ее коренного населения, ставшего после завершения «репатриации» выходцев из России основным резервуаром, питающим миграционные потоки в Россию. Между тем, объективная ситуация невозможности «осуществления программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны», о чем говорилось на партийном съезде 35 лет назад, если и изменилась, то только к худшему. Население этих и без того слабо заселенных регионов, сокращается.

Уже довольно давно обсуждаются планы увеличения населения Дальнего Востока. Разработана и недавно представлена в Правительство Концепция демографического развития этого региона, которая предполагает увеличение численности населения дальневосточного региона к 2030 году до 7 млн человек (сейчас – 6,2 млн). Эти планы совершенно не соответствуют наблюдаемым тенденциям. Именно население Дальнего Востока сокращается наиболее быстро. После пика выезда населения, пришедшегося на 1990-е годы, интенсивность оттока в результате внутрисредней миграции в ДВФО, начиная с 2000 года, держится на уровне 4-6 человек на 1000 населения, 30-40 тысяч человек ежегодно (рис. 4), и, несмотря на ожидания скорого прекращения оттока населения, тенденции пока не меняются.

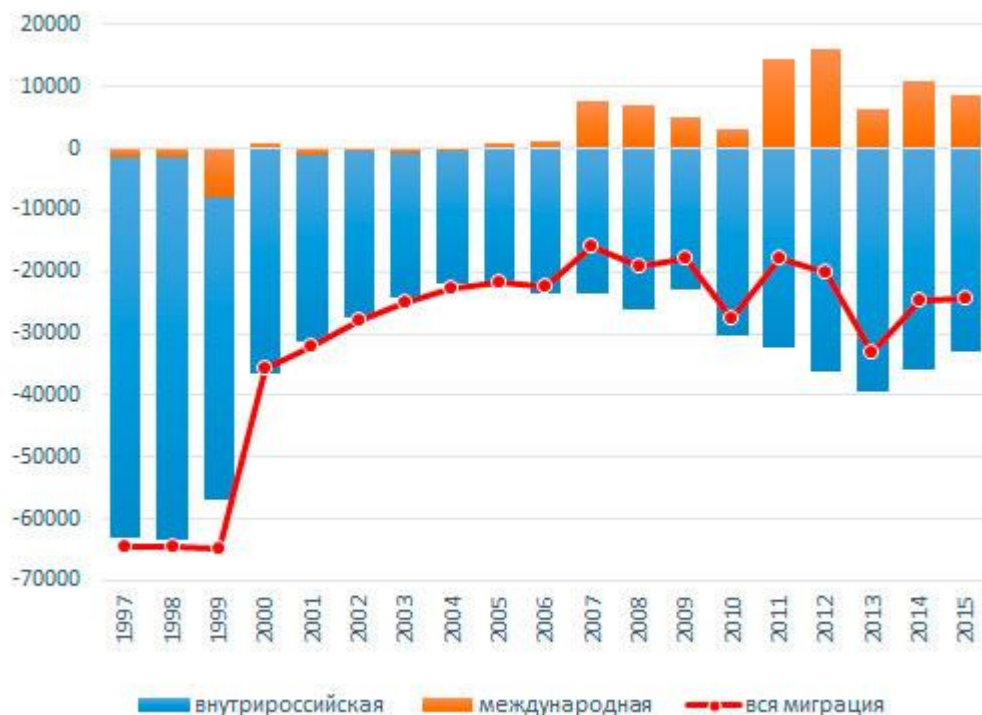

Рисунок 4. Миграционный прирост (убыль) населения Дальневосточного Федерального округа, человек

Внутренних демографических ресурсов, которые можно было бы перенаправить на Дальний Восток, в России нет, без мигрантов извне и их натурализации решить задачу пополнения его населения невозможно. А в дополнительном населении нуждается не только Дальний Восток, люди нужны и в огромной Сибири. Эта потребность в людях не связана непосредственно с имеющимся рынком труда. В экономике далеко не редки ситуации, когда соединение людей с неиспользуемыми ресурсами как раз и создает рынок труда там, где его до этого не было. Так развивалась такая страна, как США.

Это не значит, конечно, что в России нет проблем с существующим рынком труда, которые также не могут быть решены без привлечения мигрантов. Не случайно «оптимизация потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики» рассматривается как одна из важных задач стратегического экономического планирования^[17]. Численность населения в возрасте 20-64 года – основной контингент трудоспособного населения – после 2012 года сокращается, и к началу 2030-х годов это сокращение составит 10-12 млн человек. При этом доля младшей возрастной группы (20-39 лет) по отношению ко всему этому контингенту к 2032 году понизится с 48 до 37%. Приспособиться к столь быстрому и значительному сжатию предложения без привлечения дополнительных мигрантов рынок труда едва ли сможет, особенно с учетом того, что еще совсем недавно ситуация была противоположной, и рынок труда привык к тому, что численность и доля трудоспособного населения неуклонно росла.

Запрос рынка труда на работников-мигрантов имеет не только количественный, но и качественный аспект. Сейчас нет ясного представления о том, в каких именно работниках нуждается и будет нуждаться российская экономика в ближайшие 10-20 лет. Согласно широко распространенным взглядам, нам требуются квалифицированные иммигранты, хотя понятие «квалифицированный»

практически никогда не определяется, и непонятно, идет ли речь о квалифицированных рабочих, квалифицированных земледельцах или только о топ-менеджерах и исследователях высшей квалификации. В то же время неясно, за счет кого будет удовлетворяться потребность в работниках массовых профессий в сфере обслуживания, торговле, строительстве, коммунальном хозяйстве и т.п., квалификационные требования к которым не столь уж высоки, при том что спрос на них весьма значителен. Ориентация на приток извне квалифицированной рабочей силы плохо увязывается с повышенным спросом на молодых работников, который вытекает из быстрого старения собственного трудоспособного населения.

В достаточно массовых потоках трудовой миграции из Средней Азии или других развивающихся азиатских стран, на которые может рассчитывать Россия, неизбежно будет много молодежи, но соответственно будет высока и доля низкоквалифицированной рабочей силы, вчерашних крестьян, не подготовленных или плохо подготовленных к городским видам деятельности и способных заполнять лишь нижние этажи профессиональной пирамиды. Но на их дешевый непритязательный труд всегда есть спрос, за счет именно такой миграции сформировалось городское население России и других стран, уже живя в городах, оно стало образованным и квалифицированным.

Потребности рынка труда в притоке рабочей силы извне могут быть, в значительной степени, покрыты за счет временной трудовой миграции, «гастарбайтеров». Однако такая миграция дает лишь ограниченный ответ на экономические и не дает ответа на демографические вызовы. Она не позволяет поддерживать или даже наращивать численность населения страны или хотя бы каких-то ее слабо заселенных регионов. Поэтому разумная стратегия должна быть ориентирована на одновременный ответ и на те, и на другие вызовы.

Такая практика существует во многих странах, где имеются программы, предполагающие растянутое по времени пребывание и работу в принимающей стране. Мигранты как бы проходят ряд фильтров, получают возможность менять свой статус в стране приема, их документы о временном проживании и работе могут неоднократно продлеваться. В конечном счете, во многих случаях временное пребывание постепенно переходит в постоянное проживание или натурализацию.

Формально Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (принята в 2012 году), по своему замыслу, – также «гибридная», объединяющая в единое целое политику и временной, и постоянной миграции, подчеркивающая важность интеграционной компоненты. Однако, на практике, меры по развитию постоянной миграции все еще остаются на стадии обсуждения. Из принятых более 50 законодательных актов практически ни один, за исключением программы переселения соотечественников, непосредственно не относится к миграции на постоянное место жительства.

В общественно-политическом дискурсе в России, как и во многих других странах, принимающих мигрантов, постоянно подчеркиваются связанные с массовой иммиграцией риски – социальных напряжений и конфликтов, разрушения культурной идентичности коренного населения и т.п. Эти риски, безусловно существуют, однако все они вытекают не из каких-то врожденных качеств мигрантов, а из их недостаточной интегрированности в принимающее общество. Поэтому главный вызов иммиграции для России – это вызов интеграции мигрантов в российский социум. Россия нуждается в людях, и следовало бы в максимальной степени использовать иммиграцию как демографический ресурс. Но страна не может принимать больше людей, чем она способна интегрировать. Эта способность имеет свои границы, однако ее можно наращивать. Это – самостоятельная задача, если она будет осознана и станет решаться, будет смягчена и острота демографических проблем России.

Вызовы эмиграции

Демографических оснований для эмиграции из России нет, и, хотя эмиграция существует, ее масштабы не таковы, чтобы оказывать серьезное влияние на демографическую ситуацию, как это имеет место, например, в некоторых странах Балтии. Эмиграция представляет собой вызов как «утечка мозгов», это, скорее, экономический или политический, нежели демографический вопрос.

Судить о масштабах эмиграции из России довольно сложно. Как показывает мировая практика, качество учета иммигрантов, как правило, намного превосходит качество учета эмигрантов. Иностранцы граждане, приезжающие в другую страну для постоянного проживания, учитываются при переписях и выборочных обследованиях, отражаются в регистрах населения и иностранцев, а также других административных информационных системах. Благодаря этому, во многих странах имеются данные о потоках и числе иммигрантов, их различных социально-экономических и демографических характеристиках. По этой причине, при определении числа эмигрантов из Российской Федерации правильнее ориентироваться на статистику стран их приема.

О современных расхождениях российских и зарубежных оценок свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3. Как видно, эти расхождения достигают значительных величин. Так, немецкая оценка миграционного прироста Германии за счет России превышает российскую оценку в 22 раза, испанская – в 28 раз, австрийская - в 18 раз. Число россиян, получивших иммиграционный статус в Канаде, в 46 раз превышает количество тех, кто выехал по российским данным в Канаду на постоянное место жительства. Даже принимая во внимание различные критерии определения эмигрантов/иммигрантов в приведенных в таблице странах, очевидно, что российская статистика недоучитывает масштабы эмиграции.

Таблица 3. Пример расхождения между российскими и зарубежными оценками миграционных потоков в Россию и из России, 2015 год

Страны	Российские данные			Зарубежные данные		
	Прибывшие	Выбывшие	прирост	Прибывшие	выбывшие	Прирост
Израиль	1077	1050	+27	6716	-	-
Канада	189	457	-268	8799	-	-
США	1084	1610	-526	2147	-	-
Австрия	122	187	-65	2947	1742	+1205
Германия	3976	4531	-555	25082	11876	+13206
Испания	279	411	-132	7042	3254	+3788

Примечание: Знак «-» в графе «прирост» по российским данным означает миграционный отток из России, знак «+» в графе «прирост» по зарубежным данным означает миграционный прирост указанных стран за счет России.

Источник: Росстат, Национальные статистические службы Австрии, Германии и Испании, миграционные службы Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израиля.

Эмиграцию из Российской Федерации в постсоветский период, с учетом ее объемов и географии, а также социально-демографических характеристик эмигрантов, можно разделить на две волны. Первая и более мощная из них началась еще в конце 1980-х годов и закончилась в начале 2000 годов. Вторая последовала за первой и продолжается в течение десяти последних лет (рис. 5).

Как известно, СССР был закрытой страной, «двери» которой приоткрывались только на короткое время и в силу определенных исторических обстоятельств. В 1986 году на постоянное место жительства в Германию выехало 2,1 тыс. человек, а в Израиль - чуть более 200 человек. После либерализации правил выезда из СССР в 1987 году и падения «железного занавеса» эмиграция из Советского Союза резко увеличилась. В общей сложности за период с 1989 по 2002 год включительно по данным Министерства внутренних дел России на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья выехало 1265 тыс. человек. Эти данные не точны, поскольку, в них не учитывались те, кто эмигрировал без получения официального на то разрешения из МВД. Если обратиться к зарубежной статистике, то оценка оттока из России за этот период увеличится как минимум до 1,6 млн. человек.

Отличительной чертой российской эмиграции 1990-е годы была ее четкая географическая направленность и ярко выраженная этническая компонента. Более 90% всех эмигрантов направлялись в три страны: Германию, Израиль и США. По данным российской статистики этнические немцы и евреи составляли большую часть эмигрантов (почти 70% с 1989 по 2003 год). Они переезжали на свою историческую родину по репатриационным программам. В США до 1995 года более половины эмигрантов из России и бывшего СССР прибывали как беженцы.

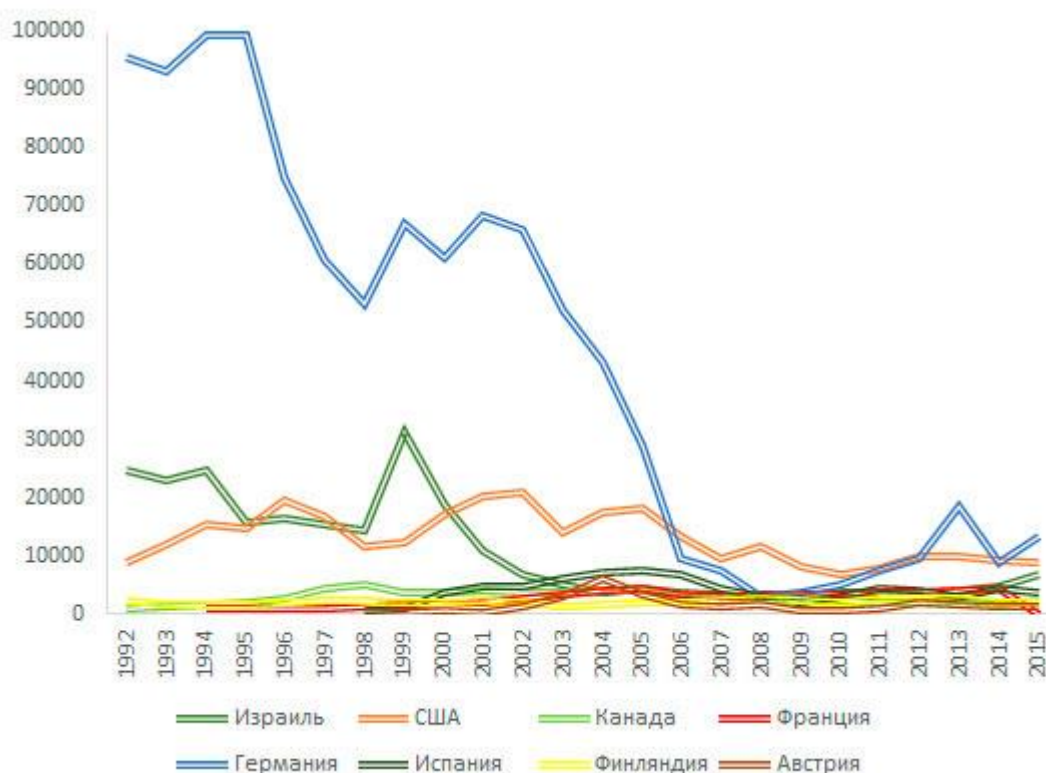

Рисунок 5. Эмиграция из России по данным зарубежных стран, 1992-2015 годы, человек

Источник: Национальные статистические службы Австрии, Германии, Испании, Франции и Финляндии, миграционные службы Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израйля.

К середине 2000-х годов эмиграционный отток существенно сократился (табл. 4 и 5). Особенно заметным это сокращение было в главных центрах притяжения эмигрантов из России – в Германии и Израиле. Уменьшение эмиграции было связано с действием трех основных факторов.

Первый – это исчерпание потенциала репатриации. По данным переписей населения, с 1989 по 2010 год численность евреев в России уменьшилась с 550 до 157 тыс., немцев – с 842 до 394 тыс.

Второй - миграционная политика принимающих стран. Выходцы из России, как и из других бывших союзных республик потеряли разного рода миграционные привилегии, которые им были предоставлены в 1990-х годах, в частности, упрощенный порядок получения статуса беженца и разнообразные грантовые программы для обучения и работы. В новых условиях потенциальным эмигрантам из России приходится выдерживать конкуренцию за «вакансии» в богатых странах с желающими переехать в них из других регионов мира. Иммиграционная политика принимающих стран формирует правила отбора эмигрантов на профессиональную состоятельность, языковую подготовку и интеграционные возможности. Сегодня среди выходцев из России стало относительно больше молодых, образованных и богатых, чем в 1990-х годах.

Таблица 4. Прибывшие из России, получившие статус иммигранта или гражданство (тыс. человек)

Страны	1992-2003	2004-2015
США	182,8 (199,8*)	130,2 (139,6*)
Израиль	206,8	47,3
Канада	29,5 (35,3*)	32,4
Австралия	6,5	10,1

Источник: миграционные службы Австралии, Канады и США, Министерство алии и абсорбции Израиля

Таблица 5. Миграционный прирост за счет России (тыс. человек)

Страны	1992-2003	2004-2015
Германия, всего	795,7	158,3
граждане России и др.	217,6	93,8
этнические немцы	578,1	64,6
Финляндия	20,9	26,8
Скандинавские страны	20,6	26,2

Источник: Национальные статистические службы Германии, Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии

Третий – экономический рост и повышение благосостояния населения России в 2000-е годы. Правда, несмотря на экономические успехи, разрыв в уровне и качестве жизни между Россией, с одной стороны, развитыми и некоторыми развивающимися странами, с другой, сохраняется, что обуславливает сохранение эмиграционного оттока в настоящем и будущем, а также расширение его географии. Так, в 2000-х годах к трем основным странам приема эмигрантов из России (Германии, Израилю, США) подтянулись Канада (табл. 5), Испания, Чехия, Италия, Австрия, Франция. Осталась

значимой позиция Финляндии (табл. 6). Так, миграционный прирост Испании за счет России превысил в 2004-2015 годах 50 тыс. человек, Италии и Чехии – 30 тысяч, Австрии 20 тысяч. В общей сложности, по нашим оценкам, основанным на зарубежных источниках, в 2004-2015 годах за рубежи бывшего СССР на постоянное место жительства выехало не менее 700 тыс. российских граждан. Это заметно больше, чем показывает Росстат. По российским данным миграционный отток[18] из России в развитые страны ОЭСР за этот период составил около 100 тыс. человек.

В общей сложности за пределами бывшего СССР постоянно проживает почти 3 млн. уроженцев России. Из них 2/3 - в Германии (1,3 млн), США (более 400 тыс.) и Израиле (около 270 тыс.). Многие из эмигрантов сохраняют российское гражданство, а также бизнес, собственность и тесные связи с Россией. По данным консульского учета, в 2013 году таковых насчитывалось в США - почти 120 тыс., в Израиле – более 130 тыс., в Германии – почти 570 тыс. По нашим оценкам, за рубежом проживает более 1 млн человек, которые имеют или только российское, или российское и иное гражданство.

Эмиграция из России продолжается. В нее вовлечено значительно большее число людей, чем то, которое показывает российская статистика. Миграция является органической частью процесса глобализации. Но, как и всегда, перемещения мигрантов будут направлены туда, где перед ними открываются более привлекательные возможности получения достойных доходов, интересной работы, качественного и недорогого образования, медицинского обслуживания, безопасного проживания, политических свобод и пр.

За последние пятнадцать лет эмиграционный отток из России за пределы бывшего СССР заметно изменился по своему объему, причинам и характеристикам эмигрантов. В целом среднегодовое количество эмигрантов уменьшилось. Но среди покидающих Россию увеличилась доля молодых людей, а также доля лиц с высоким уровнем образования, квалификации и благосостояния. Если в начале 2000-х годов доля уроженцев России с высшим образованием в странах ОЭСР составляла 27%, то в 2010-2011 годах – примерно 35%[19]. При этом в самой России доля лиц с высшим образованием на эти даты равнялась соответственно 19% и 28%. По оценкам ОЭСР, уровень образования эмигрантов из России является одним из самых высоких среди эмигрантов из всех стран мира, включая развитые страны.

Оценки последствий «утечки умов» зависят от того, какие категории эмигрантов включаются в это понятие: только ученые, или, вместе с инженерами и врачами, все лица с высшим образованием в целом или только те из них, кто продолжает работать по специальности. Правительственные оценки масштабов миграции ученых были озвучены бывшим Министром образования и науки РФ Д. Ливановым: с 1989 по 2004 год из России уехало порядка 25 тысяч ученых, а еще 30 тысяч работали за рубежом по временным контрактам[20]. Согласно неправительственным источникам (РФФИ), только «за первую половину 90-х годов из страны выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета составили не менее \$60 млрд». По оценкам ректора МГУ В.А. Садовниченко, за 1990-е годы Россия лишилась приблизительно 1/3 своего интеллектуального потенциала. Только из МГУ выехало около 20% всех профессоров и преподавателей. В последующий период 2002-2010 годов, по расчетам С.В. Рязанцева, реальные потери "утечки умов" в страны «дальнего зарубежья» за период составили от 750 тыс. до 1 млн человек с высшим образованием, в том числе порядка 1,2-1,6 тыс. докторов и кандидатов наук[21]. Согласно имеющимся американским оценкам, в 1990-х годах из России около 10 тысяч ученых выехали и продолжили научную карьеру в США[22]. В общей сложности из России в США на постоянное место жительства по трудовым контрактам, которые заключаются с высококвалифицированными специалистами, с 1994 по 2015 год выехало примерно 38 тыс. человек, в том числе 18 тыс. в 1994-2004 годах, и 20 тыс. – в 2005-2015 годах[23].

Вместе с тем, потенциал эмиграции из России не следует переоценивать. Согласно обследованию, проведенному в 2013-2014 годах НИУ ВШЭ, среди 6,5 тыс. выпускников российских вузов лишь 5% реально собираются продолжать свою учебную и рабочую карьеру за рубежом.

Хотя эмиграция из России все больше приобретает черты «утечки умов», нельзя сказать, что ее неоднозначные последствия достаточно хорошо изучены и что о ней действительно можно говорить как о серьезном вызове. Этой теме уделяется большое внимание в масс-медиа и общественных дискуссиях, но содержательных работ – немного[24]. К недостаткам обсуждений следует отнести, во-первых, некритическое обращение с данными о миграции, и, во-вторых, недоучет общего состояния российского рынка труда и академической науки. Имеющиеся данные показывают, что в России половина обладателей дипломов о высшем образовании работают по специальности[25]. Иными словами, внутренняя «утечка умов» намного масштабнее внешней.

Эмиграция высококвалифицированных специалистов характерна не только для России. За границами Великобритании работает более 1,5 млн уроженцев этой страны с высшим образованием, за границами Франции – 620 тыс., США – 600 тыс.[26] Миграция таких специалистов - неотъемлемая черта процесса глобализации. Международная миграция этой категории работников нередко имеет циркулярный характер, когда мигранты перемещаются из одной страны в другую, возвращаясь при этом и на свою родину. Такие миграции способствуют обмену знаниями, научными и организационными идеями и в этом смысле могут быть весьма полезными.

Конечно, позитивный вклад международных миграций «мозгов» ослабевает, если потоки приобретают односторонний характер и действительно превращаются в «утечку». Но в целом мировой и отечественный опыт показывает, что потери от «утечки умов» не оцениваются количеством уехавших, а проблемы, порождаемые такой «утечкой», не решаются разного рода ограничениями или запретами на выезд. Односторонний отток квалифицированных специалистов сокращается по мере создания им условий для полноценной работы, достойной и безопасной жизни, и – возможно, это самое главное - самореализации. А риски, связанные с таким оттоком, естественным образом уменьшаются, если ему противостоит более или менее равнозначный приток квалифицированных специалистов из других стран. В 1990-е годы «утечку умов» из России в страны дальнего зарубежья компенсировал приток «умов» в лице русскоязычных мигрантов из стран СНГ. Но уже в 2000-х годах потенциал этого источника оказался в значительной степени исчерпанным. Подобно другим развитым и успешным развивающимся странам России, очевидно, надо сделать шаг навстречу «умам» из стран, находящихся за пределами бывшего СССР.

Заключение

И сегодняшняя, и завтрашняя демографическая ситуация в России и, соответственно, порождаемые ею вызовы определяются, с одной стороны, тенденциями трех главных демографических процессов – рождаемости, смертности и миграции и их взаимодействием, с другой стороны, – сложившимся половозрастным составом населения.

Ответ общества на стоящие перед ним вызовы также может быть двояким.

Можно попытаться изменить тенденции демографических процессов, воздействуя на них мерами экономической, социальной, демографической и культурной политики, с тем, чтобы привести эти тенденции в большее соответствие с неоспоримыми интересами общества. Примером такого ответа могут служить меры, направленные на снижение смертности.

Но не менее важно, воздействуя на те процессы и тенденции, которые поддаются изменениям, осознать, что современное демографическое развитие во всех странах порождает и такие тенденции, которые изменить нельзя. Нельзя, например, отменить демографическое старение. В подобных случаях ответ на вызовы заключается не в том, чтобы противиться объективно неизбежным переменам, даже если они кажутся нежелательными, а в том, чтобы наилучшим образом приспособиться к необратимо изменившейся ситуации. Соответственно и политика должна способствовать скорейшей адаптации общества к новым условиям его демографического бытия.

Россия, как и любое другое современное государство, сталкивающееся с демографическими вызовами, стоит перед необходимостью выработать и реализовывать политику в отношении всех трех демографических процессов: рождаемости, смертности, миграции. И во всех трех случаях необходимо учитывать, что политика – это искусство возможного, хотя возможности каждого из трех направлений политики не одинаковы.

Наиболее ограничены возможности политики в области **рождаемости**, особенно если понимать ее как «пронаталистскую», направленную на увеличение среднего числа рождений. «Количественные» цели такой политики не имеют большой перспективы. Возврат к высокой рождаемости прошлых эпох невозможен, потому что огромное снижение смертности сделало такую рождаемость ненужной. Речь может идти только о небольших подвижках в рамках низкой рождаемости, которые могут служить некоторым индикатором социального благополучия семей и в этом смысле оцениваться как позитивные, когда рождаемость растет, или как негативные, когда она падает. Это делает целесообразным смещение акцента с «демографической» на «семейную» политику, повышающую социальное благополучие семей и их способность растить и воспитывать детей. Но сколько-нибудь существенного вклада в решение проблем недонаселенности России или структурных дисбалансов ее возрастной пирамиды такие подвижки внести не могут.

Намного больше нереализованных возможностей у политики **охраны здоровья и снижения смертности**. Об этом говорит сам факт отставания России по продолжительности жизни и по продолжительности здоровой жизни от очень многих стран, в которых эти возможности реализованы в гораздо большей степени. Ликвидация этого отставания – очевидная цель политики, однако формулировать эту цель можно по-разному. Можно ориентироваться на постепенное сокращение этого разрыва, как это сделано, например, в недавно сформулированных на высоком уровне установках повысить продолжительность жизни в России до 76 лет к 2025 г. Учитывая, что в очень многих странах этот показатель уже сейчас превышает 80 лет и продолжает расти, если России и удастся их догнать, то – при таких установках – лишь через несколько десятилетий. Если же считать такое отставание недопустимым, то надо ставить вопрос о более масштабном прорыве, но он возможен только при концентрации на решении этой задачи намного большего внимания и больших ресурсов, чем сейчас.

И, наконец, еще больше возможностей у **миграционной** политики, по крайней мере, теоретически. Применительно к российской ситуации – это вопрос об использовании иммиграции как демографического ресурса для компенсации естественной убыли населения и обеспечения демографического роста. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о временной трудовой миграции, необходимой для покрытия дефицита на рынке труда (это, скорее, экономический, а не демографический вопрос, хотя это тоже область миграционной политики), а о постоянной миграции, заканчивающейся натурализацией мигрантов и их превращением в полноправных граждан России. Здесь от политики зависит очень много, ее возможности весьма велики, хотя тоже не безграничны. Потенциальными источниками миграции в Россию, как и во все развитые страны, могут стать многие перенаселенные регионы Азии и Африки. Главные же ограничения связаны с «интеграционной ёмкостью» российского социума, она определяет порог, до которого прием мигрантов – представителей другой культуры, религии и т.п. – не вызывает недовольства местного населения, не порождает напряжений и конфликтов. Расширение «интеграционной ёмкости» само становится важнейшей задачей миграционной политики, и от того, насколько успешно удастся решить эту задачу, во многом зависит и то, в какой степени Россия сможет ответить на стоящие перед нею демографические вызовы.

[1] Текст подготовлен на основе экспертно-аналитического доклада Центра стратегических разработок «Демографические вызовы России» М.: ноябрь 2017 года.

- [2] Вишневский Анатолий Григорьевич - доктор экономических наук, директор Института демографии НИУ ВШЭ.
- [3] Денисенко Михаил Борисович - кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ.
- [4] Зайончковская Жанна Антоновна - кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ.
- [5] Мкртчян Никита Владимирович - кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ.
- [6] Фомкина А.А. Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области). Автореферат дисс. М.: 2016.
- [7] Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. –М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.
- [8] Нефедова Т.Г. Отходники и сельско-городские миграции в России //Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 3. с. 41-56.
- [9] Терминология НИСП, см. Социальный атлас российских регионов. Таблица типов http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm
- [10] Более подробно о «портрете» трудовых мигрантов см.: Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда М.: Изд. дом Дело, 2015. 108 с.
- [11] Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016, №4 с. 103-123.
- [12] Подробнее см.: Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly 2015 №641-642 <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf>
- [13] MOM: Россия занимает третье место в мире по числу мигрантов после США и Германии. «ТАСС», 19 апреля 2016 г. <http://tass.ru/obshchestvo/3219064>
- [14] Trends in total migrant stock: The 2005 revision. UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. UN, 2006, p. 1.
- [15] См., напр., Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2007: 235-236; Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2011: 264.
- [16] Отчет Центрального комитета КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Часть III. Социально-политическое и духовное развитие советского общества и задачи партии. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 54.
- [17] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г.
- [18] В данном случае речь идет о разнице между эмигрантами и иммигрантами. Это позволяет в определенной степени учесть ту составляющую в миграционных перемещениях, которая связана со временной миграцией. Временные мигранты включаются в российское определение международных мигрантов, согласно которому к ним относятся не только те, кто поставлен на регистрационный учет по месту постоянного жительства после прибытия из-за границы или снялся

с него в связи с выездом за рубеж, но и те международные мигранты, которые имели в России временную регистрацию на срок 9 месяцев и более.

[19] Arslan C., Dumont J.-Chr. et al. A New Profile of Migrants in the Aftermath of the Recent Economic Crisis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, 2014, No. 160.

[20] <http://comparative.edu.ru:9080/PortalWeb/Msg?id=5715>

[21] Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: циркуляция или утечка умов. Социологические исследования, 2013, № 4.

[22] Ina Ganguli Immigration & Ideas: What Did Russian Scientists 'Bring' to the US? Stockholm Institute of Transition Economics. Working paper, November 2014 No. 30.

[23] The U.S. Citizenship and Immigration Services. Statistical Yearbook за 1995-2015 гг.

[24] Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской. М.: Адамант, 2009; Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: циркуляция или утечка умов. Социологические исследования, 2013, № 4.

[25] Российский работник: образование, профессия, квалификация. Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшниковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 331.

[26] OECD DIOC 2010/11.